

ских источников. Первым историком, сделавшим историю Византии предметом своих исследований, является К. Закжевский (Kazimierz Zakrzewski) (с. 26–34).

Последний раздел Введения (ок. 20 с.) посвящен истории и деятельности современных польских византиноведческих центров – в Университете Лодзи, в Варшавском университете, в других исследовательских группах. Дано поименное перечисление их сотрудников с указанием сферы их занятий. Кроме того, указаны исследовательские серии и журналы, издающиеся в Польше по византистике (с. 34–56).

Отдельная часть первого тома (с. 59–400) и весь второй (с. 401–737) представляют собой библиографическую опись изданий польских византистов, публиковавшихся в 1800–1998 гг. Материал группируется по следующим разделам – том I: “История византиноведческих исследований, биографии ученых, энциклопедии, словари, конференции, библиографии” (с. 71–107), “Проблемы историко-литературные, проблемы языкознания. Историография” (с. 108–164), “Издания и переводы источников” (с. 165–233), “Политическая история” (с. 234–293), “История строя и администрации” (с. 294–304), “Крестьянско-социальная история, история города и военная история” (с. 305–331), “История культуры, науки, идей и образования” (с. 332–364), “Право” (с. 365–400). Разделам предпосланы указатель сокращений и указатель периодических изданий (с. 59–70); том II: “Нумизматика, сфрагистика и надписи” (с. 401–426), “Папирология” (с. 427–433), “Искусство и архитектура” (с. 434–487), “Археология” (с. 488–545), “Материальная культура и техника” (с. 546–563), “История Церкви, религии и религиозной жизни” (с. 564–644), “Монашество, мистика, аскеза” (с. 645–664), “Теология. Догматика” (с. 665–696), “Патрология” (с. 697–717), “Литургия” (с. 718–738). Вторым том справочника заканчивается подробными указателями.

Особо следует отметить, что в справочнике зафиксированы также и рецензии польских коллег на зарубежные издания и в частности на русскую, советскую и российскую византиноведческую литературу.

В целом рассматриваемый двухтомник, в силу своей полноты и высокопрофессионального исполнения, является весьма полезным библиографическим и историографическим справочником, ценным подспорьем для любого, имеющего интерес к истории Византии.

М.С. Меньшикова

Поляковская М.А. Византия, византийцы, византисты. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2003 (Серия “Античная древность и средние века”. Т. 2). 432 с.

Начало XXI в. ознаменовалось для российского и мирового византиноведения рядом значительных юбилеев. В 2002 г. отмечалось 80-летие Александра Петровича Каждана (1922–1997). В честь этого события в “Византийской библиотеке” издательства “Алетейя” вышел в свет долгожданный сборник статей и материалов, посвященный памяти ученого и включающий в себя наиболее обширную на сегодняшний день библиографию его трудов¹. Прошел год, и мы оказались участниками и свидетелями другого крупного юбилея, связанного с именем еще одного выдающегося ученого, “вечного оппонента” Александра Петровича в споре о прелестях “Прекрасной Дамы” (ἡ πόλις) – Михаила Яковлевича Сюзюмова (1893–1982). В честь этого события был выпущен в свет сборник избранных трудов Мастера² и

¹ Мир Александра Каждана. К 80-летию со дня рождения / Отв. ред. А.А. Чекалова. СПб., 2003. 620 + II с. См.: *Курьшева М.А.* Опыт библиографии печатных трудов Александра Петровича Каждана // Там же. С. 538–617 (2811 №№).

² *Сюзюмов М.Я.* Византийские этюды / Отв. ред. М.А. Поляковская. Екатеринбург, 2002. (Серия “Античная древность и средние века”. Т. 1). 396 с.

проведены XI научные Сюзюмовские чтения³, по материалам которых был издан очередной выпуск серийного издания “Античная древность и средние века” (АДСВ)⁴.

Но и на этом благосклонная Фортуна – τύχη – не перестала оказывать нам свои милости. В 2003 г. было отпраздновано 70-летие замечательного ученого и человека, прекрасного педагога и организатора науки, тонко чувствующий красоту в жизни и в людях, признанный глава Уральской школы византиноведения с момента смерти М.Я. Сюзюмова – Маргарита Адольфовна Поляковская. Это событие было отмечено торжественной церемонией, состоявшейся в Уральском государственном университете, которому Маргарита Адольфовна отдала большую часть своей жизни, и – как когда-то 80-летие Сюзюмова⁵ – выходом в свет очередного выпуска сборника “Античная древность и средние века”, посвященного ей⁶. Но, пожалуй, самым щедрым подарком оказался тот, который преподнесла почитателям своего научного творчества сама Маргарита Адольфовна. В год своего юбилея она выпустила в свет свою новую книгу – “Византия, византийцы, византинисты”.

Книга состоит из двух частей. Она задумана как двуединое научно-мемуарное целое. По давней традиции составления такого рода изданий, в первую часть – “Византийский мир: человек, власть, общество” (с. 11–294) – автор включила 25 своих статей 1963–2001 гг., тогда как вторая часть – “Мир византинистов. Письма и воспоминания” (с. 297–428) – содержит публикации писем видных ученых, а также работы по истории науки. Открывает книгу удивительно проникновенно написанное “Слово от автора” (с. 5–7), а завершает Список сокращений и Содержание (с. 429–431).

Статьи, представленные в первой части, посвящены самой разнообразной проблематике: от истории города и городской жизни (при этом в центре внимания автора находится экономическая деятельность поздневизантийского монашества⁷) – до вопросов, связанных с развитием духовной культуры⁸, интеллектуальной среды⁹

³ Кумуляция и трансляция византийской культуры. Материалы XI научных Сюзюмовских чтений / Отв. ред. М.А. Поляковская. Екатеринбург, 2003. 112 с.; Еманов А.Г. XI научные Сюзюмовские чтения “Кумуляция и трансляция византийской культуры” (Екатеринбург, 26–28 марта 2003) // Европа: Международный альманах. Вып. III. Тюмень, 2003. С. 237–242.

⁴ АДСВ. 2003. Вып. 34. 488 с. Сборник открывается проникновенно написанным предисловием А.С. Козлова, в котором осмысливается значимость трудов М.Я. Сюзюмова и основанного им направления исследований в целом: Козлов А.С. К 110-летию Учителя // Там же. С. 5–8. Из публикаций последних лет о Сюзюмове см. также: Беседа юбиляра и редактора с издателем // ΑΝΤΙΩΡΟΝ. К 75-летию академика РАН Геннадия Григорьевича Литаврина / Отв. ред. проф. И.С. Чичуров. СПб., 2003. (ВВ). С. 10–11, 22.

⁵ Юбилейный сборник в честь 80-летия М.Я. Сюзюмова см.: АДСВ. 1973. Вып. 10. Список трудов ученого за 1916–1983 гг. см.: ВВ. 1984. Т. 45. С. 285–288. Добавить: Сюзюмов М.Я. Византийские этюды.

⁶ АДСВ. 2002. Вып. 33. 344 с.

⁷ Поляковская М.А. Городские владения провинциальных монастырей в поздней Византии // ВВ. 1964. Т. 24; Она же. Византия, византийцы, византинисты. С. 238–248 (далее при ссылках на эту книгу указываются только номера страниц. – Д.М.); она же. Монастырские владения в Фессалонике и ее пригородном районе в XIV – начале XV в. // АДСВ. 1965. Вып. 3.

⁸ Она же. Понятие нравственной нормы в византийской литературе XIV–XV в. (Алексей Макремволит) // АДСВ. 1973. Вып. 10; Она же. Этические проблемы “Слова против ростовщиков” Николая Кавасилы // АДСВ. 1977. Вып. 14; Она же. “Апология I” Димитрия Кидониса как памятник византийской общественной мысли XIV в. // Общественное сознание на Балканах в средние века. Калинин, 1982.

⁹ Она же. К характеристике византийской образованности: учителя и ученики // АДСВ. 1987. Вып. 23; Она же, Чекалова А.А. Интеллектуалы и власть в Византии // Византийские очерки. 1996; Она же. Общество, власть, интеллектуальная элита: Поздняя Византия // Историческая наука на рубеже веков. Екатеринбург. 2000.

и социальной психологии различных слоев византийского общества¹⁰: как простецов¹¹, так и интеллектуалов¹². В круг интересов М.А. Поляковской входят и вопросы этнопсихологии (восприятие византийскими интеллектуалами чужих народов)¹³, и проблемы тенденций социальной динамики отдельных знатных семей¹⁴ и целых групп знати (диахронический аспект анализа проблемы)¹⁵, и малоизученные сюжеты из истории науки¹⁶. Некоторые из статей знакомят нас с разработанной автором теорией и методикой источниковедческого анализа произведений высокой риторики¹⁷, иные же являются образцом нестандартного, эвристического подхода к, казалось бы, привычным темам¹⁸. Круг научных интересов М.А. Поляковской поистине широк, но, как уже отмечалось в посвященном ей сборнике¹⁹, в центре их неизменно остается Homo byzantinus – не как некая чисто умозрительная конструкция, но как реальный человек с его радостями и страданиями, томлениями и невзгодами, борениями и надеждой. (Быть может, еще и поэтому кажется уместным упоминание имени А.П. Каждана в начале этой рецензии...) “Без человека и всего человеческого, что ему присуще, нет истории”²⁰, – эти слова могут восприниматься сегодня как credo, которому ученый следует на протяжении всей своей жизни.

Кратко рассмотрим содержание вышеуказанных статей. На примере анализа писем и трактатов поздневизантийских интеллектуалов (в первую очередь Димитрия Кидониса и Алексея Макремволита, а также светских по жанру – но не по духу – сочинений св. Николая Кавасилы) Поляковская убедительно доказывает, что “византийская общественная жизнь накануне падения империи, отражая сложность политической, социальной, идейной ситуации в обществе, интегрирует наряду с ми-

¹⁰ Она же. Homo byzantinus в условиях византийской общественно-государственной структуры: нравственно-психологический аспект проблемы доклад 1990 г. в рецензируемой работе публикуется впервые).

¹¹ Она же. Эмоциональный мир византийца // АДСВ. 1992. Вып. 26.

¹² Она же. Фракийский дневник молодого интеллектуала (август–сентябрь 1346 г. // ВВ. 1998. Т. 57; Она же. Образ человека в византийском письме // XVIII Международный конгресс византинистов. Т. II. М., 1991; Она же. Freisinn oder Angst? Die moralischen Dominanten zweier Korporationsgruppen der byzantinischen Gesellschaft // Byzantium... Copenhagen, 1996).

¹³ Она же. Плен как экстремальная ситуация столкновения “своих” и “чужих” // Иностранцы в Византии... М., 1997 (о “Письме из азиатского плена к своей Церкви” св. Григория Паламы).

¹⁴ Она же. К социальной характеристике поздневизантийского общества: Кавасилы // ВВ. 1999. Т. 58, где дается всесторонняя характеристика социально-политической, экономической и идеологической ориентации представителей этого клана при Палеологах; она же. Место семейного клана в структуре поздневизантийского общества: Тарханиоты // АДСВ. 1998. Вып. 29.

¹⁵ Она же. Византийская чиновная лестница в эпоху Палеологов // АДСВ. 2001. Вып. 32.

¹⁶ Она же. Интерпретация понятия “византизм” в русской научной литературе конца XIX – начала XX в. // Византия... Екатеринбург, 1997).

¹⁷ Она же. Энкомии Николая Кавасилы как исторический источник // АДСВ. 1973. Вып. 9.

¹⁸ Сказанное относится прежде всего к статьям по истории культуры: Проблема городской культуры в контексте Средневековья // Византия и Крым... Екатеринбург, 1995; Эволюция парадного обеда византийских императоров (X–XV вв.) // АДСВ. 2000. Вып. 31; К спорам о скаранике // АДСВ. 1995. Вып. 27; Диканикий как атрибут власти византийских архонтов // Византийское государство в IV–XV в. ... Барнаул, 1998. Также важны статьи по сравнительной медиевистике: Византия в контексте европейской средневековой государственности: проблема лидера и темпов развития // АДСВ. 1999. Вып. 30; Место города в исторической судьбе Византии // Античный и средневековой город... Екатеринбург; Севастополь, 1994.

¹⁹ Барабанов Н.Д. Византийские филактерии. Специфика арсенала // АДСВ. 2002. Вып. 33. С. 214.

²⁰ Поляковская М.А. Портреты византийских интеллектуалов. Три очерка. 2-е изд. СПб., 1998.

стическим нравственным идеалом и те противоречивые нравственные нормы, которые порождены реальными жизненными условиями” (с. 23). Но если для Кавасилы за всеми разновидностями жизненных ситуаций просвечивает единство идеала жизни по Христу и обожения, то в случае Кидониса мы имеем дело как раз с тем примером, о котором говорит ученый: настроения светских мыслителей поздней Византии определялись отнюдь не только простым перечнем соответствующих мест из Писания, ведь разум, по Кидонису, “будучи свободным, может и делать, и находить различное” (подразумевается ли тут полемика со стоическим термином τὸ ἄβιάφορα?)²¹. Как и Метохит²², Кидонис критикует с позиций трезвой логики и здравого смысла тот комплекс величия и самоупоения, который находит свое предельное выражение в доктрине ойкуменизма. В доктринальном плане это ведет его к восхвалению богослова Фомы Аквинского (с. 63–75)²³. По словам автора, “...Димитрий Кидонис скорее выступал как преклонявшийся перед итальянской культурой ученый, нежели как прозорливый политик” (с. 75). В отличие от паламитов, в учении которых ему виделось подавление разума слепой и недоказуемой верой, лишенной какой-либо логики, Кидонис пытается примирить веру и разум, примыкая, таким образом (если следовать типологии Педро Баденаса де ла Пенья²⁴), к “примиренческому” направлению в поздневизантийской общественной и философской мысли. Разумеется, он может быть назван гуманистом в традиционном смысле этого слова²⁵.

И вряд ли стоит специально акцентировать тот факт, что М.А. Поляковская свободна от какой-либо пристрастности в отношении паламитов. В другой работе ею подчеркивается широта духовного горизонта св. Григория Паламы, который, находясь в турецком плену, высказался в позитивном духе по поводу господствовавшей у турок веротерпимости и изъявил готовность вести с ними дискуссии по вероучительным вопросам (с. 96). В то же время в его письме своей Церкви присутствует и стереотип негативного отношения к иноверцам (с. 95), который, однако, не является абсолютно доминантным. А на материале четырех ранних (1346) писем Кидониса автор убедительно раскрывает охватившие их автора в ту пору одиночество, страх и неуверенность в себе (с. 36–41). Можно только согласиться с М.А. Поляковской в том, что письма и произведения малых риторических жанров “...позволяют исследователю рельефнее представить внутренний мир образованного византийца и его ощущение эпохи” (с. 42).

М.А. Поляковская вскрывает в изучаемых ею текстах тончайшие нюансы смысла, что позволяет ей проникать в такие оттенки настроения их авторов, которые вряд ли возможно уловить при беглом чтении. В качестве примера можно указать на анализ ученым аллюзии на восстание зилотов в Энкомии Анне Савойской, составленном Николаем Кавасилой, вероятно, до 1352 г. (с. 77, 84–85). Анализ Энкомии автократуру, вышедшего из-под пера того же автора (с. 86–90), позволяет ис-

²¹ Dem. Syd. De contemnenda morte oratio. XI. Цит. в рус. пер. М.А. Поляковской: Портреты византийских интеллектуалов. С. 298.

²² Медведев И.П. Византийский гуманизм XIV–XV вв. СПб., 1997. С. 152–154; Ševčenko I. Théodore Métochites, Chora et les courants intellectuels de l'époque // Art et société à Byzance sous les Paléologues. Venise, 1971. P. 33.

²³ См. также: Jugie M. Georges Scholarios et Saint Thomas d'Aquin // Mélanges Mandonnet. Vol. 1. P., 1930. P. 424–425; Kianka F. Demetrius Cydones and Thomas Aquinas // Byz. 1982. Vol. 52. P. 264–286, esp. 277–286; Подскальски Г. Запад и Восток // Страницы. 2000. № 5: 4. С. 561–563 (с программной цитатой).

²⁴ Bádenas de la Peña P. Corrientes conciliadoras de intelectuales griegos en la corte del Gran Turco // Мир Александра Каждана... С. 272.

²⁵ Попытку более точного определения термина “византийский гуманизм” см. в нашей работе: Макаров Д.И. Антропология и космология св. Григория Паламы (на примере гомилий). СПб., 2003. С. 20–28.

тору прийти к выводу, что в мае 1354 г. Кавасила не был рьяным кантакузинистом, но принимал политическую платформу лидера “политического исихазма” (Г.М. Прохоров) с оговорками (с. 90). В написанном по-немецки докладе, прочитанном на Девятнадцатом международном конгрессе византинистов в Копенгагене, подчеркивается осознававшийся Кидонисом на собственном примере разрыв между интеллектуальной деятельностью и занятием государственных должностей (с. 134). Именно боязнь потерять место при дворе или в структуре государственного аппарата являлась, согласно А.П. Каждану, одной из доминирующих черт в мирозерцании Homo byzantinus. Здесь уместно привести одно место из письма Каждана к Поляковской от марта 1973 г., публикуемого в рецензируемой книге: “...назовем ли это госсобственностью или нет, ничего не переменится – но что любой византийский аристократ (до XIV в.) жил под страхом императорской Willkür, что это определяло его ощущение нестабильности – это все существенно важно” (цит. по: с. 360)²⁶.

Соглашаясь с Александром Петровичем в отношении тех представителей поздневизантийской интеллектуальной элиты, которые служили при императорском дворе и в различного рода ведомствах, входивших в состав госаппарата, образуя, таким образом, высший слой сановной знати, М.А. Поляковская отстаивает в целом более оптимистичный, чем у Каждана, подход к проблеме, принимая во внимание и христианские аспекты осмысления византийцами социальной и политической жизни – такие, как присущее части интеллектуалов чувство ответственности за свои действия перед Богом и обществом (на примере трактата св. Николая Кавасилы “Слово против ростовщиков” – с. 25, 31, 190). М.А. Поляковская отмечает преобладание в византийском обществе “нравственно-эмоционального, а не рационального (как у Кидониса и схоластов. – Д.М.) мировосприятия” (с. 32), ярким выражением которого и является трактат Кавасилы. Нам кажется справедливым и ее представление о том, что именно позиция Кавасилы ближе к магистральной линии развития византийской общественной мысли, нежели “кекавменовы страхи”. Эта линия отнюдь не замыкалась на воззрениях представителей правящей элиты (взять хотя бы Алексея Макремволита). Оценка М.А. Поляковской²⁷ представляется более взве-

²⁶ Впрочем, к концу жизни автор не считал свои воззрения бесспорными, о чем и писал Поляковской: «Я не хотел бы пускаться в спор об “индивидуализме без свободы”. И индивидуализм, и свобода – это понятия, и в них можно вкладывать разный смысл» (Каждан А.П. Письмо М.А. Поляковской от 4.01.1997 // Мир Александра Каждана... С. 457). Подобные воззрения отразились и в печатных трудах Каждана: «Ни один термин не имеет “настоящего”, “органического” значения – но лишь то, на которое согласились люди, и “подтверждением” термина служит не его врожденное тождество самому себе, но лишь практическое удобство в пользовании... Мы можем сговориться называть средневековое общество феодальным или податным – ни один термин не изменит и не поставит под сомнение наше восприятие этого общества» (Каждан А. Марксизм и податный способ производства (размышления над книгой: Холден Дж. Марксизм и податный способ производства. Лондон: Нью-Йорк, 1993) / Пер. С.А. Иванова // ГΕΝΝΑΔΙΟΣ. К 70-летию академика Г.Г. Литаврина. М., 1999. С. 112). Отметим попутно, что эта публикация не учтена М.А. Курышевой в списке трудов Каждана (см.: Мир Александра Каждана... С. 617). Эта позиция находит одобрение и у М.А. Поляковской, по крайней мере в том, что касается неоднозначности понятия “феодализм” и вопроса о правомерности его приложения к истории Византии. См.: Поляковская М.А. Византия в контексте европейской средневековой государственности... С. 277 (первая публикация: АДСВ. 1999. Вып. 30. С. 29). Возвращаясь к ситуации спора с А.П. Кажданом, стоит отметить, что Каждан относился к историкам, мыслящим скорее образно, чем схоластически, в чем он и признавался М.А. Поляковской в письме 1973 г.: “Но так получается именно Bild, образ, а не Formel, определение. А Bild, по-моему, куда емче, глубже, чем формула” (цит. по: с. 360). Последнее соображение имеет ряд аналогий – вплоть до О. Шпенглера.

²⁷ “Здесь начинается, – подчеркивает автор, – отличие в моем понимании структуры личности homo byzantinus от оценки ее А.П. Кажданом...” (с. 190). Как видим, спор между двумя историками длился около четверти века и, может быть, в недалеком будущем изложение и анализ этого спора займет подобающее ему место на страницах летописи византиноведения.

шенной, поскольку христианские мотивы и их ответвления в разного рода памятниках составляют стержень византийского мышления, мировосприятия и формируемой этим мировосприятием идеологии, а рассматриваемый Кажданом пессимизм в определенные эпохи наслаивается на данный комплекс представлений²⁸. Параллель Кекавмена с преп. Симеоном Новым Богословом, на которой настаивает А.П. Каждан²⁹, в ряде отношений оборачивается скорее антитезой (в самой общей формулировке – монастыря и мира или, по словам о. Георгия Флоровского, Империи и Пустыни³⁰)...

Ряд статей сборника посвящен комплексному анализу тенденций социально-экономической и социально-психологической эволюции микрогрупп поздневизантийского общества – на примере семей Кавасил и Тарханиотов, а также – с опорой на Псевдо-Кодина – эволюции византийской сановой бюрократии при Палеологах (см. особенно с. 160–173, с указанием номеров персоналий по PLP³¹). Отметим анализ интеллектуальной деятельности представителей клана Кавасил и их отношения к паламизму (с. 212–215). В византийской интеллектуальной элите, как убедительно доказывается в другой работе, преобладало не заискивание перед властью, не примитивный сервиллизм, а тонкий, порой трудноуловимый скепсис и полускрытая оппозиционность (с. 131). Эта близость (в разных аспектах) духовного опыта уже отмечалась многими, в частности Я.Н. Любарским (вслед за А.П. Кажданом)³². Не стал исключением и автор рассматриваемой книги³³.

Вышеприведенный тезис о критической настроенности значительной части интеллектуалов по отношению к властным структурам обосновывается М.А. Поляковской со ссылкой как на процессы, проистекавшие в духовной жизни империи в 40–60-е годы XIV в. (паламизм и борьба вокруг него), так и на напряженность социальной борьбы, разворачивавшейся в Византии в это время (с. 60–61 сл.), а также на внешнеполитическую опасность (с. 179).

В некоторых (весьма, впрочем, малочисленных) случаях у читателя может возникнуть желание кое с чем поспорить в формулировках и оценках автора, всегда опирающихся на солидный источниковый материал. Например, колкости, высказываемые Николаем Кавасилом в адрес Никифора Григоры в псогосе “Против нелепостей Григоры”, во-первых, как кажется, не выходят за рамки византийского псографического канона, а во-вторых, вызваны той серьезностью, с которой представители церковных кругов относились к захлестнувшему византийское общество

²⁸ Ср. в частности одно из возражений Г. Подскальского Х.-Г. Беку по сходному поводу: *Подскальски Г. Смерть и воскресение в византийском богословии* / Пер. с нем. Е. Беляевой // Страницы. 2001. № 6: 1. С. 48–50.

²⁹ Например, в письме М.Я. Сюзюмову от 1965 г. (примерно): “Очень любопытный автор и очень близкий, по-моему, к Кекавмену” (цит. по: с. 329). Параллель со св. Феодором Студитом или, предположим, Житием Лазаря Галесюта выглядела бы обоснованнее...

³⁰ См.: *Флоровский Г., прот.* Империя и пустыня. Антиномии христианской истории / Пер. Г. Ястребова // *Он же.* Догмат и история. М., 1998. С. 256–291.

³¹ См. также недавние работы М.А. Поляковской, в которых исправляется одна неточность в статье Г.А. Острогорского: *Поляковская М.А.* Народ и власть в Поздней Византии // *Кумуляция и трансляция византийской культуры...* Екатеринбург, 2003. С. 82–84, особ. 83; *она же.* Император и народ в Византии XIV в. в рамках церемониального пространства // *АДСВ.* 2003. Вып. 34. С. 314–321, особ. 315. Ср.: *Острогорский Г.А.* Эволюция византийского обряда коронавания // *Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура. Сборник статей в честь В.Н. Лазарева.* М., 1973. С. 38.

³² Ср.: *Каждан А.П.* Трудный путь в Византию // *Мир Александра Каждана...* С. 486–487; *Ljubarskij Ja.N.* The Fall of an Intellectual: The Intellectual and Moral Atmosphere in Eleventh-Century Byzantium // *Byzantine Studies. Essays on the Slavic World and the Eleventh Century* / Ed. Sp. Vryonis. New Rochelle; New York, 1992. P. 175.

³³ *Поляковская М.А.* Портреты византийских интеллектуалов... С. 247.

палеологовской поры всплеску астрологии, магии и гаданий³⁴. Поэтому можно усомниться в том, следует ли называть данный трактат “излишне субъективным и не делающим чести его автору” (с. 215)³⁵. Не сразу становится понятно, что имеется в виду под “истинно православными принципами – без добавлений паламизма” (с. 61) (но здесь, может быть, все дело в формулировке...).

В целом не вызывает никаких сомнений, что результаты и достижения автора, содержащиеся в републикуемых ныне работах, заслуживают того, чтобы новое поколение византистов училось по ним читать византийские тексты и, размышляя над последними, проникать в сознание их авторов. Некоторые из этих работ, вероятно, можно назвать классическими; при этом сама публикация сборника – лучшее доказательство того, что большинство из них выдержало испытание временем.

Во второй его части собраны письма М.Я. Сюзюмова различным корреспондентам (с. 301–319), обширный пласт из переписки А.П. Каждана с Сюзюмовым и с женой М.А. Поляковской (с. 326–406), куда включено также очень важное во всех отношениях автобиографическое письмо Каждана Э.Н. Хрущевой от 8.05.1992 (с. 335–340)³⁶, некоторые письма автору книги С.В. Поляковой³⁷, Е.Э. Гранстрем и Б.Т. Горянова (с. 407–418). Публикация сопровождается краткими введениями автора книги, посвященными каждому из корреспондентов. Ее органично дополняют две работы М.А. Поляковской по истории науки: “Херсонес в письмах М.Я. Сюзюмова” (с. 320–323)³⁸ и «Из истории новой серии “Византийского временника” (1947–1994)» (с. 419–428). Тематически к этому кругу публикаций примыкает недавняя статья М.А. Поляковской, посвященная переписке Сюзюмова и Каждана³⁹, которая продолжает давний цикл ее работ о Сюзюмове⁴⁰.

Предваряющее книгу “Слово от автора” вызывает в памяти длинный ряд ассоциаций – от романтиков, Пушкина и Ламартина до Хейзинги... или, быть может, византийских сочинений эпохи “багряной осени” Палеологов, которым так много времени, внимания и сил уделила Маргарита Адольфовна. Хотя книга вышла в мягкой обложке, полиграфически она выполнена на высоком уровне, и держать ее в руках – удовольствие. Это “внешнее” удовольствие органически вытекает из удовольствия “внутреннего” и потому главного – из радости ознакомления как с хорошо уже известными, так и с новыми работами М.А. Поляковской, каждая из которых представляет собой соединение (говоря словами византийцев) Риторике с Философией, а потому – праздник мысли и слова.

Быть может, это послужит дополнительным поводом для того, чтобы сказать еще несколько слов о новой книге замечательного ученого. Идея издания представляется чрезвычайно актуальной. В наши дни, когда в византиноведении становится все более заметным процесс смены поколений, когда старые и опытные садовники

³⁴ См., например: *Ciprari C. La magia a Bisanzio nel secolo XIV: azione e reaione. Dal Registro del Patriarcato costantinopolitano (1315–1402)* // JOB. 1980. Bd. 29.

³⁵ См. также: *Поляковская М.А. Портреты...* С. 188–196, где дается более нейтральная оценка.

³⁶ Его полезно читать параллельно с уже упоминавшейся (примеч. 32) работой историка: *Каждан А.П. Трудный путь в Византию...*

³⁷ О ней см.: *Ljubarskij Ja.N. Der byzantinische Roman in der Sicht der russischen Byzantinistik // Der Roman im Byzanz der Komnenenzeit / Hrsg. P.A. Agapitos, D.R. Reinsch. Frankfurt am Main, 2000 (Meletemata. Bd. 8). S. 20–24.*

³⁸ Первая публикация: *История Византии и византийская археология. Тезисы докладов X научных Сюзюмовских чтений, 25–27 марта 1998 г. Екатеринбург, 1998. С. 5–8.*

³⁹ *Поляковская М.А. Из истории отечественной византистики: М.Я. Сюзюмов и А.П. Каждан (по материалам эпистолярия) // Мир Александра Каждана... С. 69–83.*

⁴⁰ Важнейшие из более ранних публикаций указаны в итоговой биографии ученого: *Поляковская М.А. Михаил Яковлевич Сюзюмов: ученый и время // Сюзюмов М.Я. Византийские этюды. С. 5–22. Работы Каждана о Сюзюмове: № 34, 748, 796 (по библиографии М.А. Курьшевой в “Мире Александра Каждана”).*

византийского сада (говоря словами М.А. Поляковской) уже возделали свою полянку и собрали богатый урожай, особенно уместно и необходимо почтить память тех, чьими трудами создавалось то великолепие, которое мы видим, вступая в этот сад в новых условиях.

Размышляя о публикуемых в издании письмах крупных ученых, признанных мастеров науки, поражаешься тому, с какой многогранностью и глубиной раскрывается в эпистолярном жанре человеческая индивидуальность автора. Так, письма М.Я. Сюзюмова впечатляют разнообразием сюжетов: среди них – и условия жизни и труда в послевоенном Свердловске (нынешний Екатеринбург; с. 301), и вопрос о полигамии в связи с историей средневековых ересей (с. 302–306, письмо А.Н. Чистозвонову от 9.09.1962), и спор германистов и романистов (с. 309)... Среди адресатов Михаила Яковлевича – как корифеи науки своего и нашего времени (А.Д. Люблинская, Е.Ч. Скржинская, З.В. Удальцова, Р.М. Бартикян⁴¹), так и молодые в 60-е годы ученые (М.М. Шитиков). Комплект писем читается с неослабным интересом.

Исполнены человеческим теплом письма автору С.В. Поляковой и Е.Э. Гранстрем (с. 409–411 и 413–414). Менторский тон чувствуется в письмах Б.Т. Горянова (с. 416–418). В предисловии к подборке его писем М.А. Поляковская сообщает (со слов Сюзюмова), что Горяновым был выполнен полный перевод “Истории” Иоанна Кантакузина (с. 415). Известно ли что-либо о его судьбе?

Но, конечно, центральное событие этого раздела – обширное собрание писем А.П. Каждана (с. 326–406). На сегодняшний день это – одна из двух наиболее полных публикаций такого рода в мировой византистике. Вторая содержится в “Мире Александра Каждана” (с. 413–485). Публикация писем крупнейших ученых – отрадное явление; не так давно в Москве вышел обширный том писем Ю.М. Лотмана под редакцией Б.Ф. Егорова⁴². Это последнее издание могло бы послужить образцом для могущей появиться в дальнейшем подборки писем А.П. Каждана – ведь они дают необычайно много для понимания путей развития отечественного и мирового византиноведения 1950–1990-х годов ушедшего столетия, а также для проникновения в творческие замыслы их автора. Мы уже имели случай убедиться в том, сколь важным оказался нашедший отражение в письмах спор А.П. Каждана с М.А. Поляковской относительно социальной психологии *Homo byzantinus* (не говоря уже о баталиях Каждана с Сюзюмовым по поводу теории континуитета). Кроме того, по чисто литературным и стилистическим достоинствам письма А.П. Каждана входят в золотой фонд “ученой эпистолографии”.

Итак, завершая рецензирование этой во всех отношениях содержательной, ярко написанной, исполненной гуманистического пафоса книги одного из видных современных ученых, следует признать, что процесс ее чтения увенчивается не только приобретением новых знаний, но и вдохновением. Хочется пожелать ее потенциальному читателю: в добрый путь!

Д.И. Макаров

Восточнохристианские реликвии / Ред.-сост. А.М. Лидов. М.: “Прогресс-Традиция”, 2003. 656 с., 238 ил.

Серия исследований по истории восточнохристианского искусства и духовной культуры, подготовленные в рамках научных программ Центра восточнохристианской культуры, пользуется заслуженным интересом в среде исследователей Визан-

⁴¹ О нем см.: *Жворонков П.И.* Бартикян Рач Михайлович // Православная энциклопедия. Т. IV. М., 2002. С. 368–369.

⁴² *Лотман Ю.М.* Письма. 1940–1993/ М., 1997 (Язык. Семиотика. Культура).